

УДК 81'42; 801.7

*Левина В.Н.*

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина*

## **ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПЕЙЗАЖНЫХ ЕДИНИЦ В СТРУКТУРЕ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА**

*V. Levina*

*Tambov State University named after G.R. Derzhavin*

### **FUNCTIONAL RELEVANCE OF LANDSCAPE UNITS IN FOLK TEXT STRUCTURE**

*Аннотация.* Для каждого народа характерна своя собственная, уникальная языковая картина мира. Она отражает менталитет, культуру, мировосприятие народа. Это в полной мере реализовано в фольклоре, где накоплены опыт, представления людей об окружающем мире. Пословицы и сказки являются источником исторической памяти языка, знаниями о символическом значении природных реалий, которые вербализованы в текстовых пейзажных единицах. В структуре фольклорного текста пейзажная единица является функционально значимым элементом.

*Ключевые слова:* теория текста, языковая картина мира, структура фольклорного текста, единицы текста.

*Abstract.* Every nation has its own, unique linguistic view of the world. It reflects mentality, culture, and world perception of the nation. It is actualized in full in folk literature which accumulates the people's experience and notion of the world. Proverbs and fairy-tales are the source of historic language memory, and the knowledge of symbolic meaning of natural reality which is verbalized in landscape text units. The landscape text unit appears to be a functionally relevant element in the structure of a folk text.

*Key words:* text theory, linguistic view of the world, folk text structure, text units.

Для каждого народа характерна своя собственная, уникальная языковая картина мира, которая развивается одновременно с формированием человеческого мышления и передает менталитет, культуру, мировосприятие этого народа, что в полной мере реализовано в фольклоре, где накоплены опыт, представления людей об окружающем их мире. Как справедливо указывает в своих исследованиях Е.С. Кубрякова, «язык отражает опыт человека по взаимодействию со средой и <...> именно такой объективированный в языке опыт в своей совокупной целостности образует языковую картину мира» [9, с. 32-36].

Знания о символическом значении, которые закреплены, прежде всего, в наименованиях компонентов пейзажа, были известны русским писателям и естественным образом вводились в художественные тексты. Это подтверждает существование архетипов в русской культурной традиции, так как «любая культура развивается в процессе коллективного освоения материального мира <...> в любой культуре встречаются одни и те же символы, обозначающие основополагающие элементы бытия человека: жизнь и смерть, болезнь и здоровье, силу и слабость и т. д.» [13, с. 356]. Так, Е.Р. Корниенко, говоря о том, что концепты традиционного фольклорного искусства представляют собой часть общенародной культуры, отмечает: «для России типичны такие образы народной культуры, как «белая береза», олицетворяющая русскую природу, а также «свежий ветер», «дорога» – символы простора...» [8, с. 113]. В связи с этим следует обратить внимание и на такую характерную черту фольклорного текста, как речевые стереотипы. Их функционирование в фольклоре, «постоянная реактуализация порождают и структурируют фольклорный текст, специфично объединяющий коллективное

---

© Левина В.Н.

НИР выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, Государственный контракт № П656 от 19 мая 2010 г.

и индивидуальное, традицию и новации в искусстве устного слова. <...> Слова и речевые формулы в устном творчестве помимо своего номинативного значения обладают традиционно-фольклорным смыслом, обусловленным специфическими особенностями фольклорной традиции: формами обрядности, архаическим мышлением, функциональностью жанров и т. д. Это позволило исследователям выдвинуть идею о семантическом языке фольклорной традиции, своеобразном метаязыке фольклора, в котором стереотипные структурные объединения образуют «грамматическую» парадигму, порождающую фольклорный текст» [2, с. 568]. Все эти элементы являются реализацией фольклорной картины мира, воплощением культурной картины мира народов, в которых представлены в единстве люди, земля, подземное царство, небо, мифологические существа, что передает особенности знаний о мире, опыте поколений. Таким образом, «фольклорная картина мира создается путем преломления мифологических и этнографических элементов через специфическую фольклорную систему шифров посредством обобщения, типизации и перевода культурных смыслов на язык символов, язык поэзии» [1, с. 9].

Современная лингвистика исследует культурообразующую функцию языка, который реализует освоение человеком окружающей реальности в различных типах текстов, среди которых особое место занимает пословичный текст. Русская пословица является одной из наиболее структурно и семантически организованных единиц, благодаря этому она реализует функции, свойственные культуре как системе. Разнообразная тематика русских пословиц затрагивает многие стороны реальной жизни народа, отражает его мировоззрение, отношения в семье и т. п.

Пословицы являются своеобразным выразителем народной идеологии, живущей и развивающейся внутри культуры под влиянием различных факторов. Это порождение живой народной речи, предмет культурного творчества народа, назначение которого выходит за рамки высказывания поучительного свойства.

Пословицы и поговорки являются минимальными текстами, поэтому, несмотря на кажущуюся внешнюю простоту построения, обладают сложной семантикой, порой скрытым глубинным смыслом. Как известно, они служат ценным средством обогащения речи, повышения общей языковой культуры и в то же время играют большую воспитательную роль, но главное для лингвистики – это то, что они являются источником исторической памяти языка, среди которых занимают значительное место природные символы. Это распространенные символы понятия «родная земля», широко представленные как в произведениях фольклора, так и в литературном творчестве национальных писателей прошлого и настоящего.

Рассмотрим это на примере накопленного символического значения понятия «дерево» (родовое понятие) – наиболее частотной единицы информационного поля «пейзаж». Как пишет О.В. Дехнич, «в сознании большинства индоевропейских народов бытует представление о многоэтажной Вселенной, в центре которой находится космическое (Мировое) дерево – ось мира, сердцевина мироздания, интегрирующая весь космос в единое целое. Находясь в сакральном центре мира, оно соединяло три сообщающиеся зоны: небо (ветви дерева), землю (ствол) и преисподнюю (корни). Образ дерева как модели Вселенной существует и у славян. Представления о нем связаны с идеями растительной силы, сезонного цикла, плодородия природы» [5, с. 69]. Дерево является универсальным понятием, поэтому активность этого компонента в языке, особенно в лексике и фразеологии, составляет основу фольклорной и языковой традиции культуры. В процессе познания окружающего мира и собственного бытия, человек обращается к природе, выделяя в ней то, что является для него жизненно важным и необходимым. Деревья имеют особую значимость: они служат строительным материалом, лекарственными средствами, цветущие ветки деревьев и кустарников используются как украшения, плоды многих деревьев съедобны. Например, в «Словаре русских посло-

виц и поговорок» В.П. Жукова мы находим следующий комментарий: «*Лес по дереву не плачет (Смерть отдельных людей не волнует общество в целом)*» [7]. «*Руби дерево по себе (Выбирай себе ровню)*» [7]. «*Лес рубят – щепки летят (В большом деле не бывает без ошибок, недостатков, жертв)*» [7]. «*Не все сосны в лесу корабельные (В коллективе не все обладают одинаковыми достоинствами, не все одинаково хороши)*» [7]. «*Чем дальше в лес, тем больше дров (Чем дальше развиваются события, тем больше возникает трудностей, неожиданностей, осложнений, из которых не легко найти выход)*» [7]. Все эти особенности, так или иначе, сохраняются в значении данного понятия в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля: «**Дерево** или **дрéво** – самое крупное и рослое растение, которое выгоняет от корня один пенёк или лесину, и состоит из древесины, древесных волокон, придающих ему плотность и крепость. Меньшие деревья, не достигающие большой толщины, назыв. деревцами, а если лесина коротка и двоится на сучья, то это куст, дерево кустом, кустарное дерево» [4]. В современных словарях это значение несколько утрачивается: «**Дерево** 1. Многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону. 2. То же, что древесина. Родословное дерево – родословная таблица» [11].

Следует отметить, что в русской языковой культуре закреплены символические значения деревьев, которые отражены и в словаре В.И. Даля. Например, **осина** имеет отрицательную символику в пословицах: «*Одно проклятое дерево без ветра шумит (осина)*» [4]. «**Осина** – дерево, всего более идет на щепенную деревянную посуду, почему его также зов. баклушей. *Горькая осинушка* (в песнях). *Осина проклятое дерево*» [4]. Но если мы обратимся к словарю С.И. Ожегова, который на протяжении многих лет отражает современное состояние языка, то увидим нейтральное толкование, утратившее фольклорную символическую образность: «**Осина** – лиственное дерево из семейства ивовых. Осинник – осинный лес» [11].

**Дуб** в мифологии славян символизирует мужскую силу, твердость. В пословицах, как и в других фольклорных жанрах, дуб нередко отождествляется с мужчиной, а береза – с женщиной. При сопоставлении толканий лексемы дуб в словарях В.И. Даля и С.И. Ожегова было отмечено, что фольклорное символическое значение сохраняется в толковании переносного значения в словаре С.И. Ожегова: «**Дуб** 1. Крупное лиственное дерево с крепкой древесиной и плодами – желудями. 2. перен. О тупом, нечутком человеке (разгов.)» [11]. В.И. Даль при толковании использует различные прилагательные, характеризуя это дерево: «**Дуб** – родовое название дерева. Д. простой, обыкновенный. Д. белый, Д. чернильный, Д. чернильноорешковый. Дуб пробковый, бутылочный, пробковое дерево» [4]. Интересным было сравнение толкований лексемы *черемуха* в указанных словарях: «**Черемуха** – дерево с белыми душистыми цветками, собранными в кисти, а также черные, терпкого вкуса ягоды этого дерева. Без черемухи (перен.: без лирики, без нежности) [11]. В словаре В.И. Даля эта лексема не выделена в отдельную словарную статью, а встречается в толковании лексемы *черемный*: «**Черемный** – перм. вят. сиб. чермный, красный, рудой, особ. рыжий, о волосах. Она белолица, весновата и черемна. **Черема** ж. твер. **черемуха**, **черемушка**, **черемха**, **черемушина**, дерево, засадиha, голотуха, колоколуша. *Урожай на черемуху, так и на рожь (оренб.)*. *Когда цветет черемуха, тогда улов на лещей (пенз.)* || *Душистая черемуха*. **Черемушник** собирает. черемховая роща. **Черемнуха** иск. твер. корь, scarлатина, или краснуха, сыпь, черемнушка, или черемнушки мн. то же. **Черемуховый**, **черемушный**, **черемховый**, к дереву этому относящ. *Гни сказку готовую, что дугу черемховую! Черемховые вязки*. *Черемуховая трава*, вят. растен. горчак [4].

Привычной для русского человека реалией окружающего мира была **береза**, она росла у крыльца, под окном дома, встречала его в поле, в лесу. Изделия из березы были привычными и необходимыми предметами быта русского человека. Более того, *береза* являлась симво-

лом согласия при ответе свахи (В.И. Даль), наказания (*накормить березовой кашей; береза ума даст*), ссылки в Сибирь (*услан березки считать*). К березе обращались как в песнях, так и в поговорах: «*Есть дерево об четыре дело: первое дело – мир освещает; другое дело – крик утишает; третье дело – больных исцеляет; четвертое дело – чистоту соблюдает (береза: лучина, деготь на колеса, береста на обхват горшков, банный веник)*» [4]. «*Какова березка, такова и отростка (Каковы родители, таковы и дети)*» [7].

В словаре С.И. Ожегова мы находим такое определение: «**Береза** – лиственное дерево с белой корой и с сердцевидными листьями. Березняк – березовый лес. Берёзовик – съедобный гриб с коричневой шляпкой, подберезовик» [11]. Ср.: «**Береза** – дерево, вид белая, от стар. *бреза*; весьма близкий к белой; вид или порода *береза шерстолистная*, есть и *остролистная*; она из семьи *сережчатых*. *Березу белую* зовут и *веселкой*» [4].

Образ деревьев широко представлен и в сказках, мир которых разнообразен, выражает культурные традиции, способствует нравственному и творческому развитию читателей посредством художественных образов. Как отмечает В.Я. Пропп, «основное место в сборнике А.Н. Афанасьева принадлежит волшебным-фантастическим сказкам. Это объясняется тем, что фольклористика середины XIX века особое значение придавала волшебным сказкам, считая их наиболее древними и потому особенно ценными. <...> Однако, несмотря на свою фантастичность, сказка выражает высокие жизненные идеалы народа. В волшебных сказках народ создал образы героев – заступников за обездоленных, борцов за правду и справедливость, сильных сознанием своей правоты, прекрасных в своей, не знающей пределов, смелости» в единстве с природой [10].

Как уже известно, язык сказки по своей природе стереотипен так же, как и структура сказочного текста, содержащего следующие элементы: зачин, концовка, сказочные формулы, поговорки, афоризмы и др.

В сказочном сюжете находят свое отражение реальные черты народной жизни и быта, что создает философскую и культурологическую основу сказок. Этим во многом объясняются особенности функционирования пейзажных единиц в сказках, безусловно, ярким отражением национальной специфики в которых является образ **березы**. Он, с одной стороны, обозначает пространство, окружающее героя: «*Случилось ему идти лесом, а в лесу стояла старая сухая береза; ветер подует – и береза заскрипит*» («*Дурак и береза*») [10], а с другой – это полноправный участник происходящих событий, например: «*Березка говорит*» («*Баба-Яга*») [10]. «*И говорит ему береза человеческим голосом*» («*Береза и три сокола*») [10]. Еще одним распространенным сказочным образом, который часто встречается в сказках, является **яблоня**, например: «*Стоит яблонь. «Яблонь, яблонь-матушка, спрячь меня!» // «Съешь мое лесное яблочко!» Поскорей съела. Яблонь ее заслонила веточками, прикрыла листиками*» («*Гуси-лебеди*») [10].

Наряду с этим пейзажная единица может входить в состав устойчивых речевых оборотов, так называемых сказочных формул, чаще всего эпитет+субстантив, например: *чистое поле* («*Свинка золотая щетинка, утка золотые перышки, золоторогий олень и золоторивый конь*», «*Гуси-лебеди*», «*Солдат и царь в лесу*», «*Зорька. Вечорка и Полуночка*», *темный лес* («*Гуси-лебеди*»), *молочная речка, кисельные берега* («*Гуси-лебеди*»), *дремучий страшный лес* («*Баба-Яга*»), *дикий, дремучий лес* («*Солдат и царь в лесу*») [10]. Семантика используемых эпитетов подчеркивает дуализм взаимоотношений человека и природы: с одной стороны – это страшная сила, которая может ставить препятствия герою, а с другой стороны – это помощь ему, поддержка в трудной ситуации. К устойчивым оборотам можно отнести и выражения типа: «*Стань передо мной, как лист перед травой*» («*Свинка золотая щетинка, утка золотые перышки, золоторогий олень и золоторивый конь*») [10]. Здесь пейзажная единица входит в состав сравнительного оборота с предикатом в повелительном наклоне-

нии. Сказочные образы и их вербализация в фольклорном тексте фиксируют специфику русского менталитета.

Компоненты пейзажа (деревья, животные, птицы, цветы и др.), являясь действующими сказочными персонажами, отражают языческое представление славян об окружающем их мире. С помощью пейзажных компонентов формируется окружающее пространство в сказке, которое представляют пейзажные единицы с семантикой локальности: «...посадила братца на травке под окошком» («Гуси-лебеди») [10]. «...стоит молочная речка, кисельные берега» («Гуси-лебеди») [10]. «...приехала к реке» («Баба-Яга») [10]. «...лес такой дремучий да страшный» («Баба-Яга») [10]. «...поскакали они в чистое поле» («Солдат и царь в лесу») [10]. «Едут они дорогою, голод их сильно мучает, а есть нечего. Глядь – стоит яблоня с золотыми и серебряными яблочками» («Иван Быкович») [10]. «Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу баба-яга – в ступе едет, нестом погоняет, помелом след замечает» («Василиса Прекрасная») [10]. Здесь пейзажная единица предваряет появление Бабы-Яги. Такая модель является часто используемой в сказках.

Временное пространство в сказке создают такие пейзажные единицы, как, например: «Пришла осень». «Прошло несколько лет». «Настала ночь». «Утро мудреней вечера» («Василиса Прекрасная») [10]. В некоторых случаях происходит смешение временного и локального типа пейзажных единиц, и тогда перед нами предстает уже более развернутая картина: «Отправились добрые мо'лодцы в путь-дорогу; едут месяц, и другой, и третий, и заехали в широкую пустынную степь. За той степью дремучий лес, а у самого лесу стоит избушка; постучались в окошко — нет отзыва, вошли в двери – а в избушке нет никого» («Зорька. Вечорка и Полуночка») [10]. «Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка яги-бабы» («Василиса Прекрасная») [10].

В ходе анализа было обращено внимание на номинативный характер пейзажной еди-

ницы, которая только называет место действия (*поле, лес, степь, у реки* и т. п.), но его подробного описания не дается, то есть идет активное обращение к фоновым знаниям воспринимающего сказку. В связи с этим интересным, на наш взгляд, является и тот факт, что данный прием прослеживается и в прозе современных авторов: происходит сжатие информативного поля пейзажной единицы до одного слова: «... *Еще чаю? Яблони в цвету. Одуванчики. Сирень. Фу, как жарко. Вон из Москвы – к морю*» (Т. Толстая «Милая Шура») [12]. Так называемый минимализм объясняется изменением языкового сознания, являющимся следствием социально-экономических преобразований в обществе. «Информация» стала замещать «знание» и отделяться от живого человека – ее носителя. «Книжная» культура, доминировавшая на протяжении последнего тысячелетия, стала заменяться культурой «экранной» [3, с. 176].

Таким образом, как справедливо отмечает Т.К. Донская, «этнические символы – это исторически сложившиеся в народном сознании заместители предметов и явлений окружающей действительности, имеющие номинативное и эстетическое значение и наделенные глубоким национальным содержанием, отражающим нравственные ценности этноса. Народ (этнос), являясь носителем культурно-языковых ценностей, отражает в родном языке три пласта человеческой жизни: духовность, науку и культуру» [6, с. 73-74]. Выделяются общечеловеческие и этнические ценности, зафиксированные в языке в основном лексическими средствами и получившие с развитием литературного языка символическое поэтическое значение этнического символа. В пословицах и других фольклорных жанрах, а также и в произведениях русских писателей и поэтов XIX, XX и XXI вв. пейзажная единица текста является традиционным поэтическим символом родной земли у русских, символом ее нетленной красоты, отражающим любовь и преданность русского народа своей Отчизне и воспетой им как символ памяти о прошлом и надежды на будущее. Кроме того, подобного рода сим-

волы – «семантическая память культуры» [6].  
Пейзажная единица текста – функционально значимый компонент в семантике текста, который несет на себе часто одну из основных коммуникативных нагрузок, обладает многоаспектной информацией, отражает традиционные и новые знания о картине мира.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алещенко Е.И. Этноразноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки): Автореф. дисс. ... д-ра филол. н. – Волгоград, 2008. – 23 с.
2. Бралина С.Ж. Речевые стереотипы фольклорного текста // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей русского языка: труды и материалы / сост. М.Л. Ремнева и др. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 568-569.
3. Гашева Н.В., Кондаков Б.В. Тенденции развития русской прозы 1990-х гг. Статья первая // Вестник Пермского университета. Серия. Российская и зарубежная филология. – Вып. 5 (11). – 2010. – С. 175-183.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х томах. М.: Русский язык, 1978. – Т. 1. А-З. – 699 с. – Т. 2. И-О. – 779 с.
5. Дехнич О.В. Концепт «дерево» и языковая картина мира (на материале русского и английских языков) // Мир русского слова и русское слово в мире: мат-лы XI Конгресса МАПРЯЛ / под ред. К. Петровой, А. Пенчевой. – Т. 4. – София, 2007. – С. 68-72.
6. Донская Т.К. Этнические символы как объект филологического анализа текста // Мир русского слова и русское слово в мире: мат-лы XI Конгресса МАПРЯЛ / под ред. К. Петровой, А. Пенчевой. – Т. 4. – София, 2007. – С. 73-75.
7. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 2000. – 537 с.
8. Корниенко Е.Р. Сказочные образы русской фольклорной культуры (в аспекте преподавания РКИ) // Мир русского слова и русское слово в мире: мат-лы XI Конгресса МАПРЯЛ / под ред. К. Петровой, А. Пенчевой. – Т. 4. – София, 2007. – С. 113-116.
9. Кубрякова Е.С. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира // Филология и культура: мат-лы IV Междунар. науч. конф. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – С. 32-36.
10. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. / Подготовка текста, предисловие и примечания В.Я. Проппа. – М.: Государственное Издательство Художественной литературы (Гослитиздат), 1957-1958. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ru-skazki.ru> (дата обращения: 16.04.2011).
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1988. – 750 с.
12. Толстая Т. Женский день: рассказы. – М.: Эксмо, 2009. – 416 с.
13. Чернышов А.В. Архетипы древности в русской культурной традиции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия. Социология. Психология. Философия. – № 1. – 2010. – С. 349-356.